

«Театр — высшая инстанция для решения жизненных вопросов».

(А. Герцен).

ЭТОТ случай произошел много лет тому назад, в тридцатые годы на сцене одного из театров нашей страны. В тот вечер шла пьеса, которая тогда будоражила воображение зрителей жизненностью поставленных в ней вопросов, остротой и правдивостью, живо откликалась на события, волновавшие в то время многих. По ходу действия вставал вопрос о пребывании главного действующего лица — Павла Грекова (по имени которого и была названа эта пьеса Л. Ленча и Б. Войтехова), в рядах партии. Обстоятельства складывались не в пользу честного коммуниста, который был оклеветан и боролся не только за себя, но и за правду партийную.

Все происходящее в спектакле зрители воспринимали необыкновенно остро, следя за развертыванием событий с неослабным вниманием. И каждый раз в тот момент, когда судьбу героя пьесы должно было решить простое голосование на сцене, в зале стихийно поднимался лес рук зрителей, голосующих за настоящего коммуниста Павла Грекова...

Я привел здесь этот далекий случай совсем не потому, что не могу припомнить подобный факт страстной заинтересованности зрителей к происходящему на сценах в наши дни. Нет, просто в нем, на мой взгляд, наиболее ярко проявились взаимоотношения наших зрителей с нашим театральным искусством.

Такая реакция зрительного зала возникает, как правило, почти всегда в одних и тех же местах того или иного спектакля. Словно по рядом зрителей в эти минуты прокатывается незримая волна дружеского контакта советских людей, объединенных между собой общностью духовного взаимопонимания. В этом с особой силой проявляется совершенно определенное отношение сидящих в театральном зале к **положительному** герою пьесы — нашему современнику.

Чутко внимая такому восприятию пьесы, актер и сам ощущает эту постоянную готовность нашего зрителя всем сердцем откликнуться на деяния благородные, смелые, возвышенные. Откликнуться — это значит создать в первую очередь образ положительного героя. И это не обычное актерское желание сыграть «выигрышную», «доходчивую» роль в узко профессиональном смысле слова. Это — гражданская потребность средствами сценического искусства поведать зрителю о нашем современнике. Вживаясь в его образ, актер и сам воодушевляется его деяниями, богатством и красотой его духовного мира. И можно ли не воодушевиться!

ЧИТАТЕЛЯМ «Известий», как и автору этих строк, вероятно, надолго запомнился очерк «Чужие люди», помещенный недавно в газете. В нем рассказывалось о простом и благородном поступке советских людей Зарубиных из Новосибирска, принявших в свою семью, как

родного, совершенно чужого для них человека — инвалида Отечественной войны Григория Бродягина. Мне рассказывали, что после опубликования очерка редакцию буквально наводнил поток писем со всех концов страны. Авторы этих тысяч писем объединяла не только способность глубоко оценить красоту человеческого подвига, но и горячая готовность откликнуться на большие добрые дела.

А какой душевный подъем, сколько сердечных порывов вызвали героические полеты советских космонавтов к звездам. Это был поистине ликующий праздник чувств, полный душевной щедрости. В величественную симфонию нашей жизни эти дни вписали еще один, огромный силы и красоты эмоциональный аккорд. Живая волна больших и окрыленных чувств коснулась сердца каждого советского человека. Ведь как в жизни, так и в художественном произведении, мы воспринимаем и оцениваем героя нашего времени, передового советского человека, не по его благим намерениям и добрым пожеланиям, не по его красивой позе и пышным фразам, а единственно по смыслу и существу его конкретной деятельности, по силе наступательного порыва, по творческим свершениям. Именно по тем качествам, которые так отличают Гагарина и Титова, Гаганову, Гигалова, Долиню, Улесова, Мамаю.

Какое же чувство ответственности должны испытывать сегодня деятели театра, кино, драматурги перед лицом аудитории, которой присущ именно такой масштаб чувств, такое сильное и глубокое восприятие жизни.

Мы знаем немало великолепных спектаклей и кинокартин, мужественных и лиричных, полных глубокой человечности, согретых и освещенных большим и светлым чувством. Мы любим фильмы Г. Чухрая «Балладу о солдате» и «Чистое небо» именно за мужественную простоту и взволнованность. Я знаю, многие зрители по нескольку раз смотрели фильм «Простая история». Что же в этой картине притягательного? Прежде всего великолепная игра талантливой актрисы Н. Мордюковой. Она создает образ колхозницы, глубоко волнующий, простой и поэтический. Ее Саша Потапова стала близкой миллионам зрителей, потому что актриса сумела избежать слащавой сентиментальности, внешней красоты чувств. Картина эмоционально воздействует на мысли и чувства зрителей, глубоко разделяющих жизненную судьбу героини. Этим мы обязаны и тем новым качествам актерского исполнения, которые все больше утверждаются в театре и кино: мужественному стилю, лишенному внешних украшательств, сомнительных эффектов, сентимента, мелодрамы.

Эмоциональная приглушенность, сценическая анемия — злейший враг спектакля, кинокартины. Часто этому способствует мелкотемье. Как часто актеры испытывают чувство неловкости от необходимости продемонстрировать со сцены хлипкие переживания, мелкие ссоры, ку-

С. МЕЖИНСКИЙ,
народный артист РСФСР

□ □

хонные дразги, семейные неурядицы и прочие мелкие, житейские недоразумения, которые с успехом могут быть разобраны в домоуправлении, по месту жительства спорящих сторон, нравоучительно использованы в газетной хронике, наконец, послужить темой для сатирического фельетона.

Наш герой никогда не ищет легких побед, не предпочитает иметь дело с трудностями, специально для него автором «заниженными». Такая сделка, по тайному авторскому уговору со своими персонажами, не сулит произведению ничего хорошего, не насыщает его действительностью, страстью, эмоцией. В таких случаях автор как бы недостаточно уверовал в своего героя. Он выбрал себе в творческие попутчики героя попроще, так сказать «уцененного», и его надо заменить истинным героем нашего времени, страстным борцом за новое, передовое, способным, как сказал Н. С. Хрущев, «драться с недостатками». Именно — «драться», а следовательно, действовать решительно, активно, целеустремленно. Пусть в острой схватке, в преодолении трудностей с особой силой раскроется наступательный дух героя, его волевые качества бойца, пусть эта схватка потребует от него напряжений всех его духовных сил, гражданской страсти, жара души, сильных эмоций.

Я уверен, в конечном результате спектакль, кинокартина должны заронить в зрители частицу его личной, гражданской ответственности как за утверждение в жизни прекрасного и вдохновенного, так в равной мере и в борьбе с отрицательными явлениями. А это возможно только в том случае, когда спектакль затрагивает за живое, если в острой, доходчивой форме говорит о самом насущном, волнующем.

ДО СИХ пор речь шла о положительном герое. Могут спросить: ну, а как же быть с отрицательным персонажем? Пусть и он присутствует в пьесе и в фильме. Пусть он даже будет таким, которому удалось ускользнуть от общественного возмездия. Все равно, несмотря ни на что, зрителя никогда не оставляет уверенность в окончательной и безусловной победе добра над злом, в посрамлении такого человека, в уничтожении всех и всяческих пороков и пережитков. И хотя в перечне действующих лиц в пьесе положительный и отрицательный обозначены рядом — их жизненное размежевание ни у кого не вызывает сомнений. Оно неизбежно, ибо по своей сути, образ действия, мышлению, духовному складу человек отрицатель-

ных свойств всегда воспринимается нами только как временно подвигающийся в нашей действительности персонаж. В то время как **главным, постоянно и активно действующим лицом** в нашей жизни, всегда был, есть и будет положительный герой, наш советский передовой человек, строитель коммунизма, творец нового мира. Таким он вошел в сознание народа, таким входит в историю, и в этом жизненном различии — исчерпывающая социальная градация, разделяющая этих людей.

Жизненно точная расстановка социальных акцентов в произведении искусства целиком зависит от идейной позиции художника, зрелости его мышления, партийной страстности, совершенства мастерства. Все это помогает ему точно ориентироваться в сложных вопросах человеческих взаимоотношений.

СРЕДИ писем, полученных редакцией в связи с опубликованием очерка «Чужие люди», о которых я говорил выше, было одно, которое особенно глубоко врезалось в память. Как сейчас помню его строки, напечатанные в газете. Читатель А. Носов из Рязани писал: «...Если бы мне поручили стоять в проходной, через которую проходят из социализма в коммунизм, я бы Зарубиных смело пропустил в новое, светлое общество, называемое коммунизмом».

Это ли не еще одно духовное проявление характера нашего современника, для которого стали закономерными «гуманные отношения и взаимное уважение между людьми». Естественно, что в театре такому чуткому зрителю чужда поза только наблюдающего за развитием событий на сцене. Он воспринимает спектакль, как его непосредственный герой и участник. Потому он, сидя в зрительном зале и голосует вместе с актерами, когда нужно поддержать правое дело.

«Проходная», о которой пишет А. Носов, на наших глазах становится широкой дорогой в коммунизм. По ней движутся к заветной цели миллионы известных и не известных нам советских зарубиных. Вместе с ними на сцену наших театров приходят и новые герои — герои нашего времени, наши с вами современники, читатели.

КАЖДЫМ днем все шире раздвигается занавес нового театрального сезона. Заполняются зрительные залы, ярче загораются огни рампы...

Это первый театральный сезон в великом двадцатилетии. Манифест практического строительства коммунизма властно завладел сегодня умом и сердцем всех деятелей советского искусства.

31 АВГ 1961

Известия
г. Москва